

М. Смирнов, И. П. Максимов

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1932 – 1934 ГОДАХ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 10.06.2025 г.

Принята к публикации 14.11.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-8

91

Для цитирования: Смирнов М., Максимов И. П. Конституционный кризис в Эстонской Республике в 1932 – 1934 годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 91 – 104. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-8.

В начале 1930-х гг. Эстонская Республика столкнулась с серьезными экономическими проблемами, причем политические силы страны оказались неспособны справиться с вызовами кризисного периода. Изъяны политической системы были заложены на конституционном уровне, что вынудило парламент страны начать процесс разработки поправок в основной закон государства. В 1932 – 1933 гг. было проведено три всенародных референдума – два проекта конституции, разработанных парламентом, были признаны населением страны неудовлетворительными, после чего предпочтение было отдано внепарламентскому проекту поправок, который в конечном счете стал роковым для демократии в стране – на фоне начавшихся президентских выборов Константин Пятс, временно исполнявший обязанности президента согласно новой конституции, осуществил государственный переворот. В статье рассмотрены упомянутые конституционные проекты. Изучен процесс выработки поправок в каждом отдельном случае, определены характер вносимых изменений и последствия каждого из референдумов. По мнению авторов, поправки, вынесенные на первый референдум, являлись более грамотными и продуманными, нежели те, которые были представлены на третий референдум, а провал оригинальных поправок обусловлен активной пропагандистской деятельностью отдельных акторов, а не природой поправок как таковых. Более того, обоснована мысль о том, что именно затягивание решения конституционного вопроса в конечном итоге привело к необратимым последствиям в виде военного переворота и установления личной диктатуры Пятса.

Ключевые слова: конституционный кризис, первая Эстонская Республика, референдум, Эстония

Конституционный кризис начала 1930-х гг. остается одним из поворотных событий в истории Эстонии. Протекавшие на его фоне внутриполитические процессы в конечном итоге привели к трансформации демократического режима первой республики в авторитарную диктатуру Константина Пятса путем военного переворота. Хотя «авторитарный поворот» был характерен для молодых демократий межвоенной Европы, соседней Финляндии, например, удалось сохранить как

свою демократию, так и независимость. Пятс, в свою очередь, обладая всей полнотой власти в государстве, не сумел предотвратить утрату Эстонией независимости в 1940 г. Вместе с тем в исторической ретроспективе у страны были альтернативные пути развития — всего за период политического кризиса в стране было разработано три проекта поправок в конституцию, каждый из которых был вынесен на всеобщий референдум, однако приняло эстонское общество только последний вариант поправок — на всеобщем голосовании в ноябре 1933 г.

Хотя рассматриваемый период политической нестабильности (1930—1934) неоднократно исследовался в эстонской историографии, отдельные аспекты кризиса, в том числе характер вынесенных на первые два референдума конституционных поправок, освещались не так часто. Конституционный кризис рассматривался в обзорных статьях и монографиях эстонских историков Аго Паюра [12], Рейна Маранди [11], Артура Мяги [9], Антса Руусманна [18], Мати Графа [6] и др. Яак Валге уделил куда более пристальное внимание рассматриваемой теме, проведя подробный анализ разработки первого проекта поправок для референдума 1932 г. [19] Он же позднее в соавторстве с Марком Гортфельдером подробно охарактеризовал электоральные предпочтения граждан страны в контексте проведенных референдумов [5]. Петер Кенкманн, в свою очередь, проанализировал проект поправок, вынесенных на третий референдум [8]. Поскольку центральную роль в рассматриваемых событиях сыграл «Эстонский союз участников Освободительной войны» (члены которого обычно именовались просто «вапсами»), тема конституционного кризиса неизбежно поднимается и в работах, посвященных данному движению, в частности в монографиях Андерса Касекампа [7] и Рейна Маранди [10].

Представленная статья стремится осветить неизученную в отечественной историографии тему и посвящена анализу содержания всех трех конституционных проектов, вынесенных на всеобщее голосование в 1932—1933 гг., а также дать общую характеристику как процессу их разработки, так и тому влиянию, которое результаты референдумов оказали на эстонское общество.

Без сомнения, катализатором внутриполитического кризиса в стране стал мировой экономический кризис, чьи последствия Эстония начала ощущать уже с 1929 г. Падение цен на древесину и сельскохозяйственную продукцию было обусловлено снижением спроса за рубежом — к 1933 г. объем внешней торговли с основными партнерами — Германией и Великобританией — сократился на 60 %. Общая задолженность фермерских хозяйств составила 100 млн крон, что привело к разорению тысяч фермеров в стране. В 1930 г. кризис добрался до промышленной индустрии, и общий объем производства сократился на треть, что повлекло за собой сокращение рабочих часов как минимум на четверть. Это, в свою очередь, привело к росту безработицы — в 1933 г. в Эстонии насчитывалось как минимум 45 тыс. безработных (точное количество безработных остается дискуссионным в эстонской историографии). На этом фоне также наблюдался рост инфляции — отказ от

золотого стандарта в Великобритании и падение курса фунта, к которому была привязана эстонская крона, привели к неконтролируемому обесцениванию эстонской национальной валюты [4, p. 118–128].

Вместе с тем действующая политическая система оказалась бесильной перед вызовами экономической рецессии, и основной причиной современники считали изъяны в конституции страны. Действительно, конституция 1920 г., преследуя идеалы демократического управления, на практике оказалась чрезмерно несбалансированной — исполнительная власть была слишком зависимой от законодательной: при полной подотчетности членов правительства парламенту должность президента отсутствовала [9, l. 77–79]. Итогом стала крайне хаотичная политическая обстановка в стране — с 1920 по 1934 г. сменилось 20 правительств, средний срок полномочий которых составлял около 8 месяцев. Кардинальных изменений не произошло и в период экономического кризиса — так, на повестке дня уже с 1930 г. особенно остро стоял вопрос о девальвации кроны, однако продолжавшиеся споры и противоречия в Рийгикогу (эст. *Riigikogu* — государственное собрание, парламент страны) не позволили провести реформу вовремя, при этом процесс обсуждения сопровождался внеочередными отставками правительств (три правительства ушли в отставку в 1932 г. и два в 1933 г.) и развалом действующих политических коалиций [Ibid., l. 57–67]. Нарастание внутренних конфликтов привело к снижению уровня политической культуры — критика (как населением правительства, так и политическими противниками друг друга) стала резкой и массовой, в ход шли клевета и прямые нападки на оппонентов, скандалы раздувались на пустом месте с целью очернения и дискредитации соперников. На этом фоне стало ясно, что политическая система изжила себя — необходимо было разделить законодательную и исполнительную ветви власти, уменьшить риск коалиционных конфликтов в парламенте, сгладить политическую дифференциацию общества. Разумеется, подобные инициативы требовали внесения изменений в конституцию, а потенциальная новая должность президента республики стала заветным трофеем для практически всех политических сил. Процесс выработки новой конституции, сопровождавшийся мощной политической агитацией, пропагандой и ожесточенными столкновениями на всех уровнях, в конце концов окончившийся установлением авторитарного режима, и стал периодом конституционного кризиса Эстонии [12].

Конституция 1920 г. вызывала нарекания современников еще в первые годы существования республики, а главными сторонниками изменения основного закона стали Константин Пятс и Яан Тыниссон, возглавлявшие партию Крестьянское собрание (*Põllumeeste Kogud*) и Народную партию (*Eesti Rahvaerakond*) соответственно. В данном случае определенную роль играли и личные интересы — в случае введения должности президента оба опытных политика были главными претендентами на эту роль. Пятс начал разработку нового проекта конституции еще в начале 1920-х гг. и представил первоначальный набросок поправок в 1923 г. В парламенте после попытки коммунистического путча вновь начались обсуждения об изменении конституции, однако

сколько-нибудь внятных шагов в этом направлении предпринято не было. Вплоть до экономического кризиса вопрос об изменении конституции поднимался лишь ситуативно, без серьезного обсуждения или продвижения в этом направлении. Во время предвыборной кампании 1926 г. сразу несколько партий заявили о своем видении изменений в конституции, полноценные законопроекты по изменению конституции были представлены Народной партией [2, f. 80, n. 3, s. 849, l. 22–24] и Крестьянским собранием [2, f. 31, n. 4, s. 176, l. 26–39], но дальше дело не продвинулось, так как большинство партий не считали изменение конституции приоритетом на тот момент. Активная разработка проекта поправок, вынесенных на первый референдум, началась лишь в 1930 г. на базе проекта конституции 1929 г. от Крестьянского собрания [Ibid., n. 5, s. 563, l. 34–47]. Все вышеперечисленные проекты описывали создание должности президента (впрочем, уровень его полномочий различался) и сокращение количества действующих членов парламента — прежде всего в целях экономии бюджетных средств [19, l. 22–24].

Процесс выработки окончательного варианта поправок шел крайне медленно — сторонниками изменения конституции оставались Крестьянское собрание Пятса и Народная партия Тыниссона, яркими противниками были левые силы, преимущественно представленные Эстонской социалистической рабочей партией (ЭСРП, Eesti Sotsialistlik Töölise Partei, ESTP), в то время как остальные партии не имели внятной позиции, ограничившись лишь общими предложениями по изменению конституции. Серьезные разногласия вызывали несколько вопросов: введение института президентства, широта президентских полномочий и количество членов парламента. Препятствием на пути к успешному изменению конституции стало и действующее законодательство о референдумах — поправки считались бы принятыми только в том случае, если бы более половины всех граждан страны их поддержало. Учитывая, что порядка трети граждан стабильно не участвовало ни в каких выборах, для принятия поправок требовалось бы как минимум в два раза больше голосов «за», чем «против». Данную проблему в конце концов решили, изменив закон о выборах — для принятия поправок требовалось получение простого большинства голосов, но участие в референдуме стало обязательным для всех граждан страны [19, l. 25–30].

Однако удовлетворяющего всех консенсуса по другим аспектам поправок в конституцию достигнуть не удалось — хотя сторонники изменения конституции в парламенте, собрав коалицию, успешно приняли законопроект, данный процесс проходил под огромным давлением со стороны общественности, прежде всего в лице движения «вапсов», которые были крайне раздосадованы чересчур затянувшимся процессом обсуждения. В результате к весне 1932 г. обсуждения в парламенте шли в условиях крайней спешки, и 24 марта на первый референдум был вынесен компромиссный вариант поправок в конституцию, о бойкоте которого партия социалистов заявила сразу же [Ibid., l. 33].

Проект конституции, вынесенный на первый референдум, попытался сохранить прежнюю систему, гармонично встроив в нее институт президентства. Полномочия парламента были урезаны незначительно — количество мест сокращалось со 100 до 80 (§36), при этом было упразднено право парламентариев самостоятельно увеличивать количество членов парламента путем обычного законопроекта. Парламент утратил право утверждать судей Верховного суда, данные полномочия перешли к президенту республики (§69). Парламент избирался на срок в 4 года вместо 3 (§39), а количество сессий увеличивалось: теперь парламента собирался не один, а два раза в год — в январе и октябре (§41). Также было введено требование принести клятву верности стране и конституции для всех избранных депутатов (§45). Нововведенная должность президента (в данном проекте она получила название Государственный Старейшина — ранее это словосочетание обозначало главу правительства, который теперь именовался просто премьер-министром), избираемого на 5 лет, расширила полномочия исполнительной ветви власти — при необходимости у президента была возможность назначить досрочные выборы в парламента (§39) или приостановить текущую сессию на срок до двух месяцев (§41). У президента имелось право вето, которое можно преодолеть, если парламента принимал закон повторно при полном составе и абсолютном большинстве или же вновь избранный парламента в новом составе принимал отложенный закон без изменений (§53). По части общих полномочий главы правительства президент сохранил функционал Государственного Старейшины, но теперь являлся главнокомандующим и получил право издавать декреты при необходимости. Декреты должны были немедленно утверждаться парламентом или же теряли силу. Декреты не могли изменять законодательство о референдумах и выборах, а также прямо влиять на распределение бюджета страны (§60). Хотя члены правительства назначались президентом, они все еще требовали доверия со стороны парламента, в случае выражения недоверия министры лишались своего поста либо президент мог назначить досрочные выборы в парламента (§62). Следует отметить, что любые указы президента (за исключением назначения членов правительства) для вступления в силу должны были быть дополнительно подписаны премьер-министром или ответственным министром (§61). Чтобы запустить процесс импичмента депутатам было необходимо абсолютное большинство в парламенте (§67) [2, f. 80, n. 5, s. 2037, l. 86—90].

Референдум состоялся в августе 1932 г. Как и ожидалось, данный вариант поправок подвергся жесткой критике со стороны отдельных акторов. Социалисты и «вапсы» одинаково рьяно критиковали и высмеивали проект поправок, призывая своих сторонников голосовать против него. Не помогло ситуации и то, что изменения показались чрезмерно компромиссными и незначительными, в том числе и электорату тех партий, что выступали за изменение конституции во время парламентских выборов несколькими месяцами ранее. Вместе с тем, несмотря на подобное положение дел, разрыв голосов на референдуме, прошедшем

в августе 1932 г., оказался минимальным — «за» высказалось 49,2 % (333 979 чел.) проголосовавших, «против» — 50,8 % (345 215 чел.). Если бы обстоятельства сложились чуть иначе, нарастающий политический кризис, возможно, был бы исчерпан уже тогда, однако на фоне провалившегося проекта поправок внутривнутриполитическая борьба вышла на новый уровень, а движение «вапсов» стало набирать все большую популярность и оказывать все большее влияние на политическую жизнь страны [11, л. 26; 9, л. 84].

Хотя сам по себе провал первого проекта поправок на референдуме не вызвал бурной реакции в эстонском обществе, сохранение статус-кво означало продолжающееся усиление политического кризиса. На сцену вновь вышли «вапсы», на этот раз перейдя от простой политической пропаганды к реальным действиям — 9 ноября 1932 г. они официально представили свой проект конституции парламенту [2, ф. 80, п. 5, с. 2038, л. 3]. Согласно действующему законодательству, любой законопроект мог быть вынесен на всеобщее голосование путем сбора 25 тыс. подписей, в случае если парламент не собирался рассматривать его в рамках своих заседаний. На этот раз парламент не спешил с ответом — 21 ноября различные представительства «вапсов» по всей стране отправили в парламент обращения с требованием немедленно дать ход инициативе «вапсов» по изменению конституции [Ibid., л. 49—53]. Тридцать первого декабря 1932 г. Артур Сирк, один из ключевых членов движения, прислал парламенту требование (с 1000 подписей) о выдвижении законопроекта «вапсов» на сбор 25 тыс. подписей согласно закону о референдуме [Ibid., л. 48]. Четвертого января парламент официально позволил «вапсам» начать сбор подписей для вынесения их проекта поправок в конституцию на всеобщий референдум, 28 февраля «вапсы» успешно справились с поставленной задачей, набрав в два раза больше голосов, чем требовалось [7, р. 41].

Действия парламента, явно нацеленные на задержку «вапсовской» инициативы, объясняются репутационными соображениями — народное собрание и традиционные партии страны, уже испытывавшие определенные проблемы с имиджем, считали, что принятие проекта поправок в конституцию, разработанного «третьей стороной», станет мощным вотумом недоверия к парламенту со стороны населения страны. Вместе с тем было ясно, что запрос на конституционные изменения в обществе сохраняется, поэтому парламент предпринял еще одну попытку вынести свой собственный проект поправок на всенародный референдум, опередив «вапсовский» законопроект. Как следствие, второй вариант поправок был разработан в крайней спешке — 22 ноября 1932 г. была создана комиссия по разработке нового проекта конституционных изменений, первый вариант законопроекта был представлен в парламенте полтора месяца спустя, 14 января, а уже 14 февраля законопроект о поправках в окончательной форме [2, ф. 4396, п. 1, с. 39, л. 1] был принят и мог выноситься на референдум.

Двадцать первого февраля парламент упростил процесс принятия поправок в конституцию, вновь отменив обязательное голосование и

признав референдум состоявшимся при явке хотя бы в 30 % [13]. Двадцать второго февраля проект поправок был вынесен на всенародный референдум, который должен был состояться в июне 1933 г. [2, f. 80, n. 5, s. 2038, l. 28]. Поскольку формально «вапсы» завершали сбор подписей за свою инициативу 28 февраля, парламенту удалось опередить их на шесть дней [5, l. 149–150].

«Сырость» нового проекта поправок вкупе с их очевидной целью опередить инициативу «вапсов» вызвали жесткую критику со стороны современников — социалисты вновь полностью отвергли план поправок, различные аспекты законопроекта активно критиковались во время заседаний парламента 19 и 24 января, в том числе и главой Русского национального союза Иваном Горшковым [17, l. 441–495]. Усугубляло ситуацию и то, что разработка новых поправок проходила на фоне новых правительственных кризисов — в ноябре распалось правительство Карла Эйнбунда, при этом из-за внутрикoалиционных и межпартийных конфликтов новое правительство Пятса было сформировано лишь месяц спустя и начало свою деятельность с крайне непопулярных акций повышения налогов и сокращения зарплат государственных служащих. Новое правительство продержалось лишь до мая 1933 г., после чего развалилось одновременно с распадом партийного блока правых сил.

Следующий кабинет возглавил Тыниссон, активно агитировавший за изменение конституции [2, f. 4294, n. 1, s. 213, l. 10–11], однако к этому моменту репутация парламента находилась на катастрофически низком уровне, а к противникам парламентского проекта поправок присоединилось и Крестьянское собрание во главе с Пятсом, которое отказалось от всякой политической агитации ввиду того, что Тыниссон изрядно поспособствовал развалу предыдущего правительства. Одновременно с этим политическое противостояние между парламентом и «вапсами» (здесь следует отметить, что и сами «вапсы», и их проект поправок находились под лавиной критики со стороны левого крыла эстонского политического спектра) лишь набирало обороты — во время выступления Тыниссона в Тарту накануне референдума активисты «вапсов» устроили массовые протесты и сорвали мероприятие. Правительство Тыниссона в ответ арестовало некоторых зачинщиков из числа членов организации и закрыло тартуское отделение «вапсов» как «угрожающее публичному порядку» [7, l. 38–43]. Подобные события были нехарактерны для эстонской политической традиции: очевидно, уже накануне второго референдума по парламентскому проекту поправок репутация парламента была сильно испорчена, что, безусловно, сыграло свою роль во время голосования.

Второй проект поправок оказался практически идентичным первому, однако немногие внесенные изменения вызывали массу вопросов, поскольку совершенно не учитывали критику первого законопроекта. Была предпринята попытка ограничить зарплату членам парламента конституционно — выплачивать ее только во время сессий парламента, за исключением тех депутатов, что работали в парламентских комиссиях и руководстве вне периода парламентских сессий (§51). Также попы-

тались удовлетворить запрос на введение «личного мандата» — в раздел о выборах в парламент и местное самоуправление была добавлена формулировка о том, чтобы «избиратель мог выбирать отдельных личностей» (§36 и §76), однако настолько расплывчатая фраза вызвала еще больше критики. Никакого понимания не нашло и явное усиление законодательной ветви власти — в новом проекте парламент страны получал возможность изменить конституцию страны без всенародного референдума (если проект поправок принимали сразу два парламентских созыва друг за другом — первый при $\frac{2}{3}$ голосов «за», второй — при простом большинстве). Подобным образом нельзя было изменить положения конституции, касавшиеся личных свобод и народа как верховного носителя власти в государстве (§88). Также сохранялось и количество членов парламента — 100 человек (§36), хотя объектом критики в предыдущем проекте со стороны как левых, так и «вапсов» было именно недостаточное сокращение количества депутатов. Институт президента республики остался практически неизменным по сравнению с поправками 1932 г. — правда, теперь президента его можно было привлечь к ответственности за любые преступления, но для вынесения импичмента требовалось $\frac{2}{3}$ голосов парламентариев (§67) [2, f. 4396, п. 1, s. 39, l. 1–9].

Результаты второго референдума стали разгромными для парламента и правительства страны — «за» высказалось 32,7 % (161 595 чел.), «против» — 67,3 % (333 107 чел.). Безусловно, как писала газета «вапсов» «Борьба» (*Võitlus*), подобное развитие событий стало выражением крайнего недоверия парламенту [21], а единственным дальнейшим шагом могло стать только вынесение проекта поправок «вапсов» на всеобщий референдум, что и было сделано уже 29 июня 1933 г. [2, f. 80, п. 5, s. 2038, l. 32]. Как и в случае первого всенародного голосования, успешный второй референдум теоретически мог разрядить обстановку в эстонском обществе и сгладить амбиции «вапсов», однако поспешный характер разработки поправок и затяжные правительственные кризисы гарантировали провал второго конституционного проекта.

В преддверии референдума по их собственному проекту «вапсы», формально оставаясь лишь общественной организацией, окончательно стали неотъемлемой частью и одной из движущих сил внутренней политики Эстонии. Следует отметить, что вторжение «вапсов» на политическую арену в качестве «третьей силы» не было полностью их инициативой — вплоть до 1931 г. Эстонский союз участников Освободительной войны оставался сугубо ветеранской организацией, занимавшейся решением проблем и защитой прав участников войны за независимость Эстонии [20]. В начале 1931 г. К. Пятс и Я. Тыниссон, недовольные медленными темпами разработки конституционных поправок в парламенте, вели переговоры с лидерами «вапсов» и искали их поддержки по части агитации за скорейшее изменение основного закона страны [19, l. 27]. Первые результаты не заставили себя долго ждать — конституционный вопрос был поднят уже на втором конгрессе «вапсов» в марте 1931 г., параллельно с жесткой критикой действующего

государственного строя [2, f. 1, n. 7, s. 124, l. 3]. Однако «вапсы» не остановились на умеренных политических заявлениях — на третьем конгрессе в марте 1932 г. они окончательно трансформировались в полноценное политическое движение, открыв членство в организации для всех желающих [10, l. 91]. С этого момента «вапсы» лишь набирали политический вес — вели активную агитацию, разработали и представили свой собственный проект поправок в конституцию, постоянно противостояли левым силам, публиковали материалы националистического характера. Вместе с тем они не были похожи на обычных представителей эстонской политики — структура организации оставалась авторитарной, члены движения носили военную форму, отличительные нарукавные повязки, использовали вариацию «римского салюта», проводили громкие марши и шествия с мощной националистической и антимарксистской риторикой. Подобный образ безусловно сыграл свою роль — движение «вапсов» часто рассматривается в контексте общеевропейского феномена фашизма [22, p. 262; 1, с. 554], однако при детальном анализе их идеологических установок можно выделить и ряд ключевых различий с классическим фашизмом [3].

В последние месяцы перед третьим референдумом политическое противостояние достигло своего апогея — с одной стороны «вапсы» развернули масштабную пропагандистскую кампанию в пользу поправок, при этом в поддержку принятия законопроекта высказались Пятс (от имени Крестьянского собрания) и Йохан Лайдонер, видный деятель Освободительной войны [7, l. 47]. С другой стороны, с резкой критикой проекта поправок выступали социалисты, а уличные столкновения между агитаторами левых и «вапсов» стали повсеместными. Активно поправкам противодействовало и правительство Тыниссона — в августе в стране было введено чрезвычайное положение [15], а деятельность организации «вапсов» была формально запрещена (на практике движение продолжило свою бесперебойную работу благодаря общественной поддержке) как «угрожающая демократическому строю страны» [2, f. 1, n. 7, s. 124, l. 1]. Правительство Тыниссона также предприняло попытку избежать референдума и вместо этого усилить исполнительную власть исключительно посредством парламентского законопроекта — однако так называемый «проект Пийпа» (назван по имени своего автора Антса Пийпа) не нашел поддержки у парламента, а его легальность была подвергнута сомнению [10, l. 231]. Последней попыткой правительства и парламента помешать успешному воплощению «вапсовского» проекта в жизнь стало очередное изменение закона о выборах — для успешного референдума была необходима явка как минимум 50 % избирателей, при этом данный законопроект был принят всего за 10 дней до голосования [16]. Впрочем, все вышеперечисленные действия правительства и парламента не встретили никакого понимания среди эстонской общественности и лишь способствовали продолжающемуся росту недоверия к действующей власти.

Несмотря на мощную поддержку накануне третьего референдума, конституционный проект «вапсов» подвергся жесткой критике сразу

после его представления в 1932 г. Поправки «вапсов» были раскритикованы как дилетантские, необдуманные и диктаторские; Пятс позднее охарактеризовал проект как «написанный на коленке» [7, л. 40]. Следует отметить, что подобная критика не была безосновательной — среди «вапсов» не было профессиональных юристов или искушенных политиков, в большинстве своем это были бывшие военные с минимальным политическим опытом и лишь формальным высшим образованием. Отчет Министерства юстиции, представленный в парламенте 25 ноября 1932 г. [2, f. 80, n. 5, s. 2038, l. 11–17], отмечал целый ряд изъянов в конституционном проекте — от чисто технических помарок и мелких несостыковок, до полноценных логических изъянов и бессмысленных с юридической точки зрения изменений. Так, например, в проекте «вапсов» 38-й параграф конституции о несовместимости должностей оставался неизменным, что теоретически позволяло президенту назначать чиновников из числа членов парламента, объединяя исполнительную и законодательную ветвь власти. По необъяснимой причине, в отличие от предыдущих двух проектов, был увеличен срок выборов нового парламента в случае досрочного роспуска предыдущего — с 2 до 6 месяцев. В отчете Министерства юстиции отмечалось, что досрочные выборы представляли собой попытку оперативно разрешить внутривластический кризис, однако полугодовой срок был абсолютно нелогичным затягиванием процесса (§39). Все юридические ошибки, обозначенные в этом отчете, не были исправлены и на всеобщий референдум проект поправок выносился в оригинальном виде [Ibid., л. 33].

«Вапсовская» конституция сохраняла ряд идей второго парламентского проекта — так, в рамках государственной экономии конституционно урезались депутатские выплаты, и теперь зарплату предполагалось выплачивать исключительно во время парламентской сессии (§51). Закреплялась добровольность участия в любых выборах (§29). Несмотря на то что «вапсы» активно критиковали второй проект поправок за чересчур размытую идею «личного мандата» для членов парламента, «вапсовский» проект в данном вопросе был полностью идентичен правительственному со второго референдума (§36 и §76).

Что же касается критики поправок как чересчур «диктаторских», действительно нельзя не отметить чрезмерное усиление исполнительной власти в сравнении с парламентскими проектами. Так, количество членов парламента сокращалось до 50, вновь закреплялась только одна обязательная сессия парламента вместо двух, при этом ограничивалась ее длительность — максимум полгода. Президент получал возможность прервать сессию досрочно (§41), а также де-факто право абсолютного вето — оно могло быть преодолено исключительно в отношении законопроектных, оговоренных статьей 34 конституции (бюджет, налоговое законодательство, решения об объявлении войны и заключения мира, международные договоры, регуляция чрезвычайного положения и военной мобилизации), при условии, что парламента внесет в законопроект требуемые президентом изменения или же парламента следующего созыва вновь примет законопроект без изменений. В отношении ос-

тальных законопроектов, не относящихся к 34-й статье конституции, никаких уточнений не было дано, то есть на практике президент мог наложить на них непреодолимое вето (§53). Декреты президента приобрели абсолютный характер и немедленно вступали в силу без одобрения парламента. Согласно формулировке, они могли быть «отменены парламентом или Государственным Старейшиной», однако четко процедура отмены обозначена не была. По крайней мере декреты по-прежнему не могли изменять законодательство в сфере референдумов, выборов и бюджета (§60). Был расширен перечень сфер, в рамках которых указы президента не требовали подтверждения в виде подписи министра: президент единолично принимал решения о досрочных выборах в парламент, прерывании парламентской сессии и т.д. (§61). Теоретически правительство имело возможность отказаться исполнять любое постановление президента, если коллегиально принимало решение о его незаконном характере. Тем не менее подробно процесс действий в данном случае не был описан (§62). Процедура импичмента также не детализирована, зафиксировано только полномочие парламента инициировать импичмент (§67). Таким образом, согласно «вапсовскому» проекту исполнительная ветвь власти действительно получала несоизмеримо широкие полномочия, которые едва ли были уравновешены инструментами законодательной или судебной власти. В то же время демократические основы конституции (так, референдумы и законы о выборах и народной инициативе были совершенно неподвластны президенту) оставались неприкосновенными, что исключало возможность установления режима личной диктатуры законным путем. Эстонский историк Пеетер Кенкманн, настаивает на том, что Пятсу пришлось прямо нарушить ряд положений конституции для установления своего авторитарного режима [8].

Третий референдум, прошедший 14–16 октября 1933 г., закончился триумфом «вапсов» — большинство населения однозначно высказалось за предложенный ими вариант конституции — 72,7% (416879 чел.) избирателей высказалось за него, при этом явка была даже выше, чем во время второго народного голосования [5, l. 164–166]. Конституция вступила в силу 24 января 1934 г. [2, f. 80, n. 5, s. 2038, l. 45–46], но действовала только два месяца. Политические волнения в обществе не утихли — вдохновленные успехами «вапсы» приняли решение участвовать в президентской гонке, выдвинув в качестве кандидата своего лидера — генерала Андерса Ларку. Все еще формально внепарламентская организация де-факто была преобразована в полноценную политическую партию (иронию ситуации, когда фанатичные «антипарламентарии» стали частью того, что так долго критиковали, оценили многие современники) и даже приняла участие в местных выборах, показав неплохие результаты. По расчетам эстонских исследователей Я. Валге и М. Гортфельдера [5, l. 170], на парламентских выборах при наиболее благоприятных условиях «вапсы» теоретически могли получить треть мест в парламенте. Что же касается президентской гонки, то, несмотря на популярность «вапсов» в обществе, Ларка был недостаточ-

но харизматичным кандидатом и явно уступал в популярности и народной поддержке генералу Йохану Лайдонеру, выдвинутому от Партии поселенцев [Ibid., l. 167–170]. В любом случае лично у Пятса шансов получить заветную должность, к которой он стремился всю свою политическую карьеру и введение которой продвигал уже с 1920-х гг., практически не было, что, вероятно, послужило одной из причин дальнейших событий.

Двенадцатого марта 1934 г. (выборы президента должно были состояться 22–23 апреля) Пятс, временно исполнявший обязанности главы государства согласно новой конституции, объявил в стране чрезвычайное положение [14]. Опираясь на армию под руководством Лайдонера, с которым Пятс вступил в сговор, он начал облавы на членов движения «вапсов» по всей стране, а сама организация была запрещена и обвинена в подготовке фашистского переворота. Тем не менее на практике авторитарный захват власти был осуществлен непосредственно Пятсом – выборы были бессрочно отложены, с осени 1934 г. парламент не созывался, а сам политик получил неограниченные диктаторские полномочия – началась «Эпоха молчания», личная диктатура Пятса, окончившаяся в 1940 г. вхождением Эстонии в состав СССР [7, l. 98–107].

Можно резюмировать, что второй проект поправок действительно слишком далеко отходил от общей идеи об усилении исполнительной власти страны, так что его провал на референдуме вполне объясним. В то же время первый и третий конституционные проекты действовали на одинаковых основаниях с точки зрения общей идеи усиления исполнительной власти. Хотя третий проект и закреплял конституционно идею «личных мандатов», фактически подобного можно было добиться и в случае принятия первого проекта, так как конституционно закреплялись только «всеобщие, равные, тайные и прямые выборы по пропорциональной системе», а все остальные аспекты, в том числе и введение индивидуальных списков, регулировались законом о выборах. Что же касается усиления исполнительной власти, то первый проект подходил к данному вопросу с достаточно умеренной позиции, в то время как третий предоставлял президенту чрезмерно широкие полномочия, одновременно отличаясь рядом юридических ошибок и недоработок, позволявших множественное толкование отдельных положений конституции. Последним серьезным отличием стало количество членов парламента, однако разницу в 30 мест при однопалатном парламенте едва ли можно считать существенным основанием для отказа от проекта в целом.

Таким образом, неудача первого проекта поправок не привела к выработке более лучшего варианта конституции и разрешению внутривластных проблем в эстонском обществе. Наоборот, политические конфликты лишь обострились, а новая конституция была примером чрезмерно усиленной президентской власти, а также характеризовалась рядом юридических погрешностей. Прямым следствием политического кризиса стала утрата страной и демократического строя и,

косвенно, независимости в будущем. Безусловно, огромную роль в событиях сыграла беспрецедентная пропаганда и агитация всех задействованных политических акторов — более пристальное изучение данных процессов является перспективной темой для будущих исследований.

Список источников и литературы

1. *История Эстонской ССР*. Таллин, 1953.
2. *Национальный архив Эстонии (Eesti rahvusarhiiv)*.
3. *Смирнов М.* Эстонский союз участников Освободительной войны в 1929–1934 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24, №5. С. 24–34. doi: 10.37482/2687-1505-V371.
4. *Varrak T.* Estonia: Crises and 'Pre-Emptive' Authoritarianism // *Conditions of Democracy in Europe, 1919–1934* / ed. by D. Berg-Schlosser, J. Mitchell. Houndmills, 2000. P. 106–129.
5. *Gortfelder M., Valge J.* Eesti ühiskonna poliitilised hoiakud murranguaastatel 1932–1934 // *Ajalooline ajakiri*. 2018. №2/3. L. 145–173.
6. *Graf M.* Parteid Eesti Vabariigis 1918–1934, koos eellooga (1905–1917) ja jääreellooga (1934–1940). Tallinn, 2000.
7. *Kasekamp A.* The radical right in interwar Estonia. Houndmills, 2000.
8. *Kenkmann P.* Kas 1933. aasta põhiseadus lubas autoritaarset valitsemist? // *Tuna-Ajalookultuuri ajakiri*. 2009. №3. L. 42–49.
9. *Mägi A.* Kuidas valitseti Eestis. Tõrvik, 1951.
10. *Marandi R.* Must-valge lipu all: Vabadussõjalaste liikumine Eestis 1929–1937. Stockholm, 1991. O. 1 : Legaalne periood (1929–1934).
11. *Marandi R.* Valitud artikleid eesti riigist ja poliitikast. Tallinn, 2007.
12. *Pajur A.* Kolm murdepunkti Eesti sisepoliitikas 1918–1934 // *Tuna-Ajalookultuuri ajakiri*. 2008. №1. L. 6–16.
13. *Riigi Teataja*. 1933. №19.
14. *Riigi Teataja*. 1934. №22.
15. *Riigi Teataja*. 1933. №69.
16. *Riigi Teataja*. 1933. №81.
17. *Riigikogu V* koosseis: täielikud protokollid: II istungjärk. [Tallinn], 1933.
18. *Ruusmann A.* Eesti Vabariik 1920–1940: sisepoliitiline areng. Tallinn, 1997.
19. *Valge J.* Tee teise rahvahääletuseni 1932. aastal // *Tuna*. 2017. №2. L. 20–36.
20. *Võitlus*. 1931. 1. mai.
21. *Võitlus*. 1933. 15. juunist.
22. *Weyland K.* Assault on democracy. Communism, fascism, and authoritarianism during the interwar years. Cambridge, 2021.

Об авторах

Максим Смирнов — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0009-0003-6850-0730

E-mail: maksmirn@inbox.ru

Илья Павлович Максимов — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-7781-4163

E-mail: iliamaks@mail.ru

M. Smirnov, I. P. Maksimov

CONSTITUTIONAL CRISIS IN THE REPUBLIC OF ESTONIA
IN 1932 – 1934

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 10 June 2025

Accepted 14 November 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-8

104

To cite this article: Smirnov M., Maksimov I.P. 2025, Constitutional crisis in the Republic of Estonia in 1932 – 1934, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 91 – 104. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-8.

In the early 1930s, the Republic of Estonia faced serious economic problems, and the country's political forces proved unable to cope with the challenges of the crisis period. The flaws of the political system were embedded at the constitutional level, which forced the parliament to initiate the process of drafting amendments to the country's fundamental law. In 1932 – 1933, three nationwide referenda were held: two constitutional drafts prepared by the parliament were deemed unsatisfactory by the population, after which preference was given to an extra-parliamentary draft of amendments, which ultimately proved fatal for democracy in the country. Against the backdrop of the upcoming presidential elections, Konstantin Päts, temporarily acting as president under the new constitution, carried out a coup d'état. This article examines all three constitutional drafts submitted to general referendums. The process of drafting amendments in each case is analyzed, the nature of the proposed changes is determined, and the consequences of each referendum are assessed. According to the authors, the amendments submitted in the first referendum were more competent and well-considered than those presented in the third referendum, and the failure of the original amendments resulted from the active propaganda of certain actors rather than from the nature of the amendments themselves. Moreover, the article argues that the delay in resolving the constitutional issue ultimately led to irreversible consequences, including a military coup and the establishment of Päts' personal dictatorship.

Keywords: constitutional crisis, first Republic of Estonia, Estonia, referendum

The authors

Maksim Smirnov, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0009-0003-6850-0730

E-mail: maksmirn@inbox.ru

Dr Ilja P. Maksimov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-7781-4163

E-mail: iliamaks@mail.ru